

РОМАН МОРОЗОВ

ЦЕНА
ОДОБРЕНИЯ

Роман Морозов

Цена одобрения

<https://litres.ru/72852097>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они жили в тени женской власти. Пока один из них не вышел на свет.

В племени у чёрных озёр мужчины лишь тени, отбрасываемые пламенем женского костра. Их души медленно угасают в обмен на милость и одобрение. Каждая ласка здесь высшая награда, тщательно выверенная плата за риск, за кровь, за шрамы, принесённые с охоты. Жизнь это бесконечная охота за взглядом, улыбкой, прикосновением, ради которых они готовы снова и снова бросаться на копьями на диких зверей.

Но даже в самой густой тени может родиться луч света.

Буран тот, кто осмелился выпрямиться во весь рост. Его оружие не лук, а сострадание. Его сила не в мускулах, а в способности видеть в другом человеке человека. Его бунт начнётся не с крика, а с тихого жеста, с протянутой руки помощи тому, от кого все отвернулись. И этого хватит, чтобы расколота лдына между двумя мирами тронулась с места, унося одних к свободе, а других в ледяное одиночество власти, лишённой тех, кем можно править.

Содержание

Пролог. Две крайности	4
Глава 1. Иллюзия Рая	6
Глава 2. Уроки тишины	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Роман Морозов

Цена одобрения

*Две стороны одной медали. Две тюрьмы,
построенные на костях половины человечества.*

Пролог. Две крайности

Где-то на севере, у чёрных озёр, жило племя Озёрных Женщин. Здесь дочь в семь зим уже знала – мужчина стоит ровно столько, сколько может принести добычи. Его ласкают, пока он силён, и выбрасывают, как объедок, когда ослабеет. Мужчины здесь звались «Послушниками», а их воля медленно угасала в тени женской власти. Это называлось порядком.

А возможно, где-то на юге существовало племя, где царили совсем иные законы. Где сын в семь лет уже учился, что женщина создана для деторождения и работы. Где её ценность измерялась плодовитостью и покорностью, где били для послушания и заменяли, когда старела. Это называлось традицией.

Две стороны одной медали. Две тюрьмы, построенные на костях половины человечества.

Но наша история – о севере. О племени у чёрных озёр, где однажды нашлось звено, которое не выдержало...

Глава 1. Иллюзия Рая

Воздух над озером к вечеру густел, наполняясь запахом влажного камня, нагретого за день солнцем, и тяжёлым, одурманивающим дурманом багульника, стелющегося по берегам чёрной воды. Этот сладковато-ядовитый запах висел над поселением племени Озёрных Женщин, как незримая пелена — приторный, навязчивый, от которого к вечеру слегка кружилась голова и смыкались веки. Он был частью этого места, как тина и холодные туманы, и, как всё здесь, казался одновременно и простым, и опасным.

Поселение не выглядело чужеродным — оно будто выросло из самого ландшафта. Грубые плиты песчаника, сложенные в низкие, прохладные жилища, мягко стелили вечерние тени к самой воде, где багульник цвёл белесыми, невзрачными соцветиями, почти теряясь в сумерках.

У общего костра, сложенного из огромных валунов, царила особая, отлаженная тишина, нарушаемая лишь потрескиванием поленьев и негромким перешептыванием женщин. Они восседали на расшитых подушках, одетые в ткани цвета земли и ночного неба — тёмно-синие, терракотовые, зелёные.

Их платья были просты, но украшены сложной резьбой по кости и дереву: стилизованные рыбы, луны и волны танцевали в свете огня на их заколках и ожерельях. Они были ядром, сердцем этого мира. Спокойным, неспешным, уверенным в своей незыблемости.

Лиана, дочь Матери-Старейшины Айлы, была его живым воплощением. Сидя на самом тёплом месте, она позволила себе расслабиться, наблюдая, как последние лучи солнца играют в её тёмных, как водная гладь на глубине, волосах. Её тело, гибкое и сильное, было лишено суетливости. Власть не нужно было демонстрировать – она была данностью, как дыхание.

И вот из чащи леса, точно ожидаемый ритуалом, послышались шаги. Возвращались «Послушники».

Они выходили к костру по одному, небольшими группами, отдавая дань тишине прежде, чем сложить к ногам женщин плоды своего труда. Олени, кабаны, связки жирной рыбы. Их тела, отлитые в труде и постоянном движении, блестели потом в огненном свете. Мускулы играли под кожей, как у откормленных, выдрессированных зверей. Но в их глазах, когда они смотрели на женщин, не было звериной дикости. Там горел иной огонь – трепетное обожание, жажда одобрения, почти религиозное преклонение.

Их психология была выточена поколениями. Система «добыча-одобрение». Принеси лучшее, получи взгляд, улыбку, прикосновение. Это был чистый, неоспоримый инстинкт, встроенный в самую основу их общества.

И вот он появился. Буран. Его имя, данное за силу, с которой он нёсся сквозь лес, будто ураган, идеально ему подходило. Широкоплечий, с рельефными мышцами, которые не были грубыми, а казались воплощением целесообразности и мощи. Он вышел последним, и его появление было кульминацией. Перекинув через плечо тушу молодого оленя, он шагнул в круг света. Его грудь вздымалась от усилий, но поза была гордой. Он искал взгляд одной-единственной.

Лиана встретила его глаза. Игривая, холодная улыбка тронула её губы. Она медленно, с наслаждением продлила церемонию, поднялась и подошла к нему. Её пальцы, лёгкие и прохладные, коснулись шерсти оленя, оценивая вес и качество добычи. Затем она подняла руку и провела ладонью по его груди, чувствуя под кожей бешеный стук сердца. Это был жест собственника, пастуха, глядящего лучшего своего быка.

– Мой Послушник силён, – проговорила она, и её голос был ласковым, но в нём звенела сталь. – Сегодня он порадо-

вал меня.

Буран выпрямился ещё больше. Его мозг, управляемый древней системой вознаграждения, ликовал. «Одобрение! Я лучший! Я доказал свою ценность!» Он был на пике, на вершине своей утилитарной цели. Он видел в её глазах отражение своего триумфа и был счастлив.

И в этот самый момент совершенства система дала сбой.

Из тени деревьев, пошатываясь, выбрел Тэй. Юный, щедушный, с лицом, залитым краской стыда. В его руках болтались две тощие рыбины. Он был не просто неудачлив – он был воплощением провала. Женщины негромко засмеялись – не со зла, а с лёгким раздражением, как смеются над ребёнком, испортившим дорогой ковёр. Его хозяйка, рыжеволосая Вела, с презрительной гримасой отвернулась от него.

Тэй замер, его плечи сгорбились, словно пытаясь спрятать его самого от этого унижения. Он был пустотой в этом мире изобилия, живым укором самой идее ценности.

И Лиана, всё ещё держа руку на груди Бурана, увидела, как его взгляд скользнул по несчастному юноше. И в его глазах, всегда ясных и направленных только на неё, она прочла нечто новое. Не презрение, не насмешку, а нечто совершен-

но чужеродное, не вписывающееся ни в один из сценариев.

Жалость.

Это была простая, человеческая жалость. И в ней был страшный, подрывающий основы уклад, намёк на то, что Буран видит в Тэе не объект, а человека. Такого же, как он сам.

Взгляд Лианы, горящий от гнева, метнулся по кругу женщин, ища подтверждения своей правоты, и наткнулся на Ильму. Та сидела чуть поодаль, в тени от скалы, склонившись над почти готовым платьем из мягкой лосиной кожи. Её пальцы, обычно такие быстрые и ловкие, замерли.

Ильма редко бывала у общего костра. С тех пор, как два года назад Волк, её Послушник, сорвался в ущелье, гонясь за раненым медведем в одиночку, она словно отошла в сторону. Говорили, он был из тех, кто, как и Буран, свято верил в устав, но ему не хватило его безрассудной удачи. Он погиб не из-за слабости, а из-за глупого, ненужного соперничества – кто-то из охотников перекрыл ему путь к отступлению, решив самому добить зверя. Система, где мужчины не видят друг в друге соратников, а лишь конкурентов, убила его вернее когтей медведя. Ильма всё поняла. И с тех пор её тихое отчуждение было неммым укором всему племени.

И в её глазах, поднятых на Тэя, Лиана увидела не смех и не раздражение, а то же самое, что мгновением ранее в глазах Бурана – тихую, безмолвную жалость. Это было словно удар хлыста. «И ты?» – пронеслось в голове Лианы, и её пальцы непроизвольно впились в мускулы Бурана. Ильма опустила глаза, снова углубившись в работу, но семя сомнения было брошено.

Этот момент стал трещиной в её идеальном мире. Жалость не входила в их психологию. Жалость была слабостью. А слабость – угрозой для матриархата.

На следующее утро Лиана приказала Бурану научить Тэя охотиться. «Сильный должен поднимать слабого», – сказала она, но в душе хотела проверить Бурана. Не заразится ли он этой странной болезнью? Не станет ли его сила менее исключительной, если он начнёт делиться ею?

И тут появился Гром.

Он шагнул в круг света, и казалось, сам воздух сгустился вокруг него. Это был не просто мужчина – это была стихия, заключённая в плоть. Высокий, почти вровень с Бураном, он был высечен из гранита и дуба. Его плечи были так широки, что на мгновение перекрыли огонь костра, отбросив на женщин гигантскую, колеблющуюся тень.

Мускулы на его торсе и руках не просто были – они «играли в огне, будто живые», но это была иная игра, нежели у Бурана. Если у Бурана сила была плавной и текучей, скрытой под кожей до момента действия, то у Грома она лежала пластами, каждый мускул был прорисован, напряжён и готов к удару. Шрамы, украшавшие его тело, не были следствием стычек со зверями; это были метки драк, неровные и грубые, как и его натура.

Его лицо, скуластое и с властным подбородком, было обрамлено чёрными, жёсткими волосами, собранными в неприхотливый хвост. Губы были сжаты в тонкую, решительную линию. Но главным были его глаза. Светло-серые, как зимнее небо перед бураном, они горели холодным, не мигающим огнём фанатичной веры. В них не было сомнений, не было полутонов – только яростная, незабываемая уверенность в установленном порядке вещей.

Он стоял, слегка расставив ноги, будто врос в землю, и его тяжёлый, испытующий взгляд скользнул по Бурану, прежде чем найти Лиану. Вся его осанка, каждый мускул кричали об одном: он – страж этой системы, её идеальный воин, и он видел в происходящем не просто ошибку, а святотатство.

– Жалеешь щенка, Буран? – его голос прозвучал громко и

ясно, без злобы, но с холодным презрением. Он обращался к Бурану, но его взгляд искал одобрения Лианы. – Мягкость – это гниль. Она разъедает силу изнутри. Слабый должен знать своё место: убирать отходы и не мешать под ногами у сильных.

Буран остановился, но не обернулся.

– Сила дана, чтобы поднимать других, Гром.

– Сила дана, чтобы служить Озёрным! – парировал Гром, и в его глазах вспыхнул фанатичный огонёк. – Чтобы приносить лучшую добычу и получать лучшую награду! А не тратить её на выкармливание заморышков. Ты разбазариваешь свой дар, Буран. И хозяйка твоя скоро это поймёт.

Он бросил на Лиану многозначительный взгляд, полный уверенности, что мыслит с ней в унисон. Мол, «я-то понимаю истинный порядок вещей». Затем он с насмешкой окинул взглядом спину Тэя.

– Не вырастить тебе из этого тщедушного прутика копьё, Буран. Сломаешь его о первый же сук. И себя погубишь.

Не дожидаясь ответа, Гром развернулся и направился к группе женщин, его осанка демонстрировала полную уверенность в своей правоте. Он был идеальным солдатом матриархата, и в этом была его сила – и его трагедия.

Глава 2. Уроки тишины

Воздух в лесу был иным, нежели в посёлке. Он не был пропитан дымом очагов и сладковатым ароматом глициний. Здесь пахло хвоей, влажной землёй, гниющими листьями и тайной. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь гигантские лапы кедров, ложились на мох золотистыми пальцами, в которых танцевала лесная пыль.

Тэй шёл за Бураном, как тень, стараясь ступать бесшумно, но каждый его шаг отдавался в тишине оглушительным хрустом. Он ждал, что вот-вот раздастся нетерпеливый окрик, укоряющий взгляд. Так всегда бывало, когда с ним шли на подстраховку другие «Послушники» – они терпели его как обузу, как дыру в сети, через которую уходит добыча.

Но Буран молчал. Он шёл не спеша, его спина, широкая и прямая, была расслаблена. Он не оглядывался, не подгонял. Казалось, он прислушивался не только к лесу, но и к ритму шагов позади.

Наконец они вышли на небольшую поляну, где ручей, усыпанный коричневой хвойной хвоей, пробивал себе путь сквозь камни. Буран остановился и повернулся. Его лицо,

обычно обращённое к Лиане с ожиданием одобрения, сейчас было спокойным и сосредоточенным.

– Оружие оставь, – сказал он, и его голос, низкий и бархатный, сливался с шёпотом ручья.

Тэй, недоумевая, положил своё тощее копье на мох.

– Сядь. Смотри.

Буран опустился на корточки у самой воды, и Тэй, покорно, последовал его примеру. Минуты тянулись, наполненные лишь звуками леса. Тэй ёрзал, ему было неловко, непривычно. Он украдкой взглянул на Бурана. Тот не двигался, его взгляд был прикован к старой ольхе на противоположном берегу. Его глаза, обычно ясные и направленные на женщин, сейчас были прищурены, читающие невидимые знаки.

– Видишь нижнюю ветку? – вдруг тихо спросил Буран. – Там, где кора ободрана.

Тэй всмотрелся и увидел свежие, светлые задиры на тёмном стволе.

– Это... кабан?

– Нет. Лось. Самец. Прошёл здесь на рассвете. Видишь, как высоко повреждение? И следы... – Буран провёл рукой

над землёй, не касаясь её, – ...глубокие, тяжёлые. Он шёл неторопливо, он знал, что ему здесь не угрожают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.